

КРОКОДИЛ

№ 27 • СЕНТЯБРЬ 1973

ЕГО ТРУТОДЕНЬ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Н. ЯКОВЛЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ЗОЛОТЫЕ КАДРЫ

В 18.00 в акваторию Воскресенского хлебоприемного пункта вошла баржа № 2221. В 20.00 баржа была загружена наполовину. Зерно мерно ссыпалось в люки. Команда уже готовилась отдать швартовы. Работы оставалось на полчаса.

— Николай Иванович! — беспокойно прогремел над волжским откосом усиленный мегафоном голос вахтенного пристани.— Срочная депеша!..

Н. И. Аринин, контролировавший ход погрузки, скатился вниз. Депеша гласила:

«Начальнику Воскресенской пристани. Недогрузить пятьдесят тонн баржу 2221 связи приездом съемочной группы из Москвы. На пристань прибудут двадцать первого. Обеспечить эффектность кадров. Зам. начальника Саратовского порта Фишин. Старший диспетчер порта Воробьев».

Аринин молодцевато подтянулся и взглянул на часы. Было 22 часа 20 августа. Подготовиться к киносъемкам не составляло труда.

Загрузку баржи прекратили. Познакомили с указанием саратовского руководства директора хлебоприемного пункта. Тот схватился за голову: без ножа режете, на пункте завал зерна. Однако в Волгу хлеб не высыплешь. Погрузочные механизмы пришлось выключить, а работников мобилизовать на приборку территории.

Команда недогруженной баржи, где и без того все было надраено до блеска, дала отбой. Но уснуть им не довелось. На рейде показался буксир «Шлюзовой 80», прибывший под загрузку. Ожидалась еще баржа «Латвия» на две тысячи тонн...

— Ту-ту! — раздался над Волгой бесцеремонный гудок. Это «Шлюзовой» требовал уступить место у причала. На пристани возникла кратковременная паника, ибо в депеше это не предусматривалось. Срочно запросили порт. «Пусть постоит, на съемках пригодится...» — ответил порт.

Воскресенская пристань замерла.

Через двенадцать часов киносъемочная группа прибыла в Воскресенскую. Четыре деловых человека с объемистыми сумками, съемочным аппаратом. Завертелось дело. Режиссер посылал оператора в самые немыслимые места, передвигал баржу и буксир «Шлюзовой 80» с места на место. Заставлял работников хлебоприемного пункта ходить по территории, подбрасывать ладонями зерно и совершать другие весьма смущающие их действия.

— Творчество — дело серьезное,— внушительно говорил режиссер.— Вся страна увидит вас и ваш подвиг...

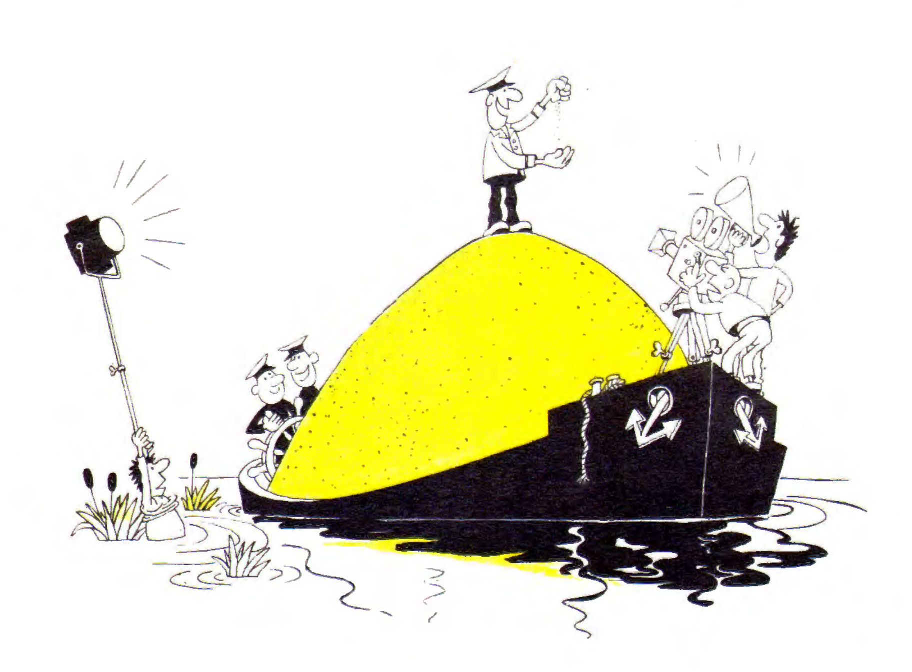
Далеко за полдень группа забросила свои доспехи на баржу № 2221 и покинула пристань. А работники хлебоприемного пункта и пристани бросились ликвидировать прорыв, образовавшийся в результате почти суточного простоя. Для этого требовались действительно героические усилия: ведь поступление зерна с хлебных полей на элеватор в часы ожидания не прекращалось ни на минуту.

А киносъемочная группа между тем снимала волжские виды. В Саратове баржа причалила к мельзаводу № 1. И здесь началась «творческая» суета. Не покажешь же всей стране обыденность труда мукомолов...

Творчество, как известно, предусматривает издержки. Иная девчушка ради лихого кадра в фотоателье готова на любые затраты. Это ее личное дело. Производство же — не фотоателье. Увы, группа из московского «Экрана», побывав в Саратове, увезла поистине золотые кадры.

Мы пытались разыскать творческих деятелей этой группы, но они словно в воду канули. Ни тов. Фишин из Саратовского порта, ни директор мельзавода № 1 тов. Прохоров, как выяснилось, даже не знали, откуда эта группа и кто ее возглавляет. Но чего не сделаешь ради эффектного кадра!..

Саратовская область.

КРОКОДИЛ·74

Этой встречи не избежать, как ее ни оттягивай. Мы имеем в виду встречу с Новым, 1974 годом. И хоть на дворе только сентябрь, пора подумать и о грядущем январе. Дабы не оказаться в положении того незадачливого хозяйственника, который вопреки ясным показаниям календаря в начале нового года продолжал жить по ноябрьским производственным графикам.

Так каков же будет в 1974 году наш собственный крокодильский план-график? Над этим сейчас работают лучшие умы редакции. Но, как говорится в известной пословице, одного их ума мало. Надо, чтобы редакции помог в планировании и читатель.

КАКИЕ НОВЫЕ РУБРИКИ СЛЕДУЕТ ВВЕСТИ ЖУРНАЛУ? КАКИЕ ЗАБЫТЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖАНРЫ ВОЗРОДИТЬ? ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ЖУРНАЛА? ВСТРЕЧИ С КАКИМИ АВТОРАМИ И ХУДОЖНИКАМИ ОСОБЕННО ЖЕЛАТЕЛЬНЫ ЧИТАТЕЛЯМ? ЧТО ЖДУТ ОНИ ОТ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЖУРНАЛА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ? ЕСТЬ ЛИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ ТАКИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, МИМО КОТОРЫХ ПРОХОДИТ ЖУРНАЛ, И МАЛОСИМПАТИЧНЫЕ ТИПЫ, ЕЩЕ НЕ ИЗОБРАЖЕННЫЕ КРОКОДИЛЬСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ И ХУДОЖНИКАМИ?

Короче говоря, для составления хорошей крокодильской программы на 1974 год нужны: а) читательские советы; б) читательские предложения; в) читательская критика.

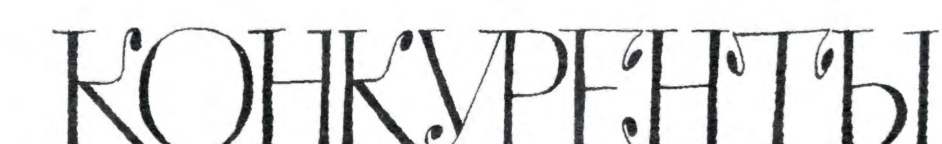
Уверены, друзья, что вы откликнетесь на наш призыв.

А пока мы решили начать публикацию некоторых рубрик и материалов, которые будут регулярно появляться на крокодильских страницах в 1974 году. Из этих публикаций читатель узнает хоть кое-что о «Крокодиле-74» и, выписывая журнал на новый год, не будет покупать кота в мешке.

См. 12-я стр.

Владлен
БАХНОВ

КОНКУРЕНТЫ

Николай Севостьянович, юркий старичок, известный в своем, прилегающем к «Гастроному» микрорайоне под именем дяди Коли, имел маленький, но верный бизнес. Впрочем, дядя Коля и слов-то таких нехороших, как бизнес, не знал и называл свое занятие «обслугой».

Для того, чем занимался этот дедушка, требовалось помещение. И оно у дяди Коли имелось, если продуваемую сквозняками подворотню можно было хотя бы условно назвать помещением. Находилась подворотня рядом с «Гастрономом» № 2, и в том было ее основное достоинство.

Желающие распить в компании бутылочку «Солнцедара» или «Перцовки» брали эту бутылочку в магазине и тихо сворачивали в подворотню. Но не в любую, а именно к дяде Коле. Потому что в другой подворотне им пришлось бы пить прямо из горлышка, а дядя Коля любезно одалживал своим клиентам алюминиевую кружку. И в благодарность за такую заботу посетители оставляли старичку пустую стеклотару. За рабочий день бутылок набиралось штук тридцать, и вырученные за них деньги составляли чистый доход фирмы.

Вернее, не совсем чистый: какую-то часть его приходилось тратить на покупку нового инвентаря. Так, например, однажды дядя Коля недоглядел и подгулявшая клиентура «увела» у него кружку. Предприниматель обзавелся новой кружкой, но уж теперь, будучи ученым, держал ее на железной цепочке, прикрепленной к широкому поясу, каким пользуются верхолазы. Пояс этот хитрый старичок никогда не снимал, так что новую кружку можно было унести только вместе с дядей Колей.

Такое нововведение, разумеется, стоило денег, но вскоре расходы на покупку кружки, цепочки и пояса окупились. Дело процветало, и шустрый старичок стал даже подумывать о приобретении второй кружки... Однако тут случилось непредвиденное: у дяди Коли появился конкурент!

Впрочем, бесхитростный дед и таких нехороших слов, как конкурент, тоже не знал и называл соперника попросту ворюгой и сукиным сыном. И его можно было понять. Этот сукин сын и ворюга украл его идею и открыл свое собственное дело в такой же точно подворотне, но только не справа от «Гастронома», а слева. Звали этого ворюгу Филипычем. А кроме алюминиевой кружки, этот сукин сын давал закусывающим ножик и вилку... И все это без дополнительной платы, за ту же пустую тару!

Дядя Коля помрачнел и тоже обзавелся перочинным ножом. Однако выяснилось немаловажное обстоятельство: у старичка инвентарь был приклепан к коротким цепочкам, а у Филипыча — к длинным, что позволяло конкуренту стоять подальше от выпивающих и не мозолить глаза интимно закусывающим.

Дядя Коля не пожалел денег и тоже удлинил цепочки. Но сукин сын Филипыч, узнав об этом, совсем отказался от цепей и таким благородным поступком сразу привлек сердца граждан.

Клиентура явно начала перемётываться к Филипычу. Тем более, что с ним можно было потолковать о футболе, о фигурном катании, о положении в Северной Африке и Южной Родезии. А дядя Коля ни в чем таком не разбирался и здорово проигрывал в сравнении со своим всесторонне образованным конкурентом. Да и уютней как-то было в подворотне Филипыча, поскольку на стенах он со вкусом развесил плакаты типа «Приобретайте билеты денежно-вещевой лотереи» или «Нет, не зря говорят: алкоголь — это яд!». Красочные плакаты радовали глаз. А комфорт и уют, как известно, имеют в сфере обслуживания непреходящее значение.

Лишенный художественного вкуса, первооткрыватель выгодного бизнеса дядя Коля помрачнел, пригорюнился... И то ли сам он надумал, то ли кто подсказал ему, но в один прекрасный день у него в подворотне вдруг появился транзисторный приемник и запел массовые песни, заиграл полонезы да симфонии и стал оглашать стихи современных поэтов. С этого дня клиенты дяди Коли уже не просто выпивали, а как бы приобщались к культуре и уходили, завороженные звуками песен, симфоний и нежной гражданской лирики.

Пришла пора призадуматься Филипычу. И что же? Этот опасный и башковитый конкурент сделал совершенно неожиданный ход. Он закупил партию каспийских килек (шесть банок), и теперь желающие могли закусить кружку какого-нибудь ликера аппетитной килечкой.

Битва в каменных джунглях подворотен разгоралась. Клиентура с неослабевающим интересом следила за боевыми действиями конкурентов.

Дядя Коля крякнул и засолил бочку огурцов.

Филипыч не растерялся и предложил посетителям свое фирменное блюдо: селедочку с картошкой.

Дядя Коля принес в подворотню зеленый лучок и другие богатые витаминами овощи.

Филипыч пораскинул мозгами и открыл для завсегдатаев кредит.

Дядя Коля замысловато выразился и притащил взятый напрокат переносный телевизор «Юность», чтобы посетители могли следить за футбольными баталиями без отрыва от бутылки.

Филипыч дрогнул, но не растерялся и подрядил какого-то лихого гитариста, автора и исполнителя старинных романсов. Беспринципная клиентура оторвалась от телевизора и повалила в подворотню Филипыча. Дядя Коля обанкротился!

И тогда в голове у банкрота созрел безжалостный и коварный план мести.

— Ну, ты у меня еще узнаешь, где вирусы зимуют! — пообещал он Филипычу. И с того дня в ближайшее отделение милиции стали регулярно поступать письма, разоблачающие подворотню Филипыча как рассадник алкоголизма, инфекций и старинных романсов. Реагируя на сигналы, участковый стал все чаще наведываться в заведение Филипыча, а дружинники установили там постоянное дежурство.

Так прекратило свое существование процветающее предприятие, и разоренный бизнесмен пошел по миру искать другую подворотню. Вот как закончилась эта битва титанов, столь характерная для мира оголтелого бизнеса и жестокой конкуренции. Обе фирмы, сожрав друг друга, исчезли с делового горизонта!

Но не то удивительно, что не вынесли они смертельной междоусобицы. Нет, поразительно то, что какой-то там дядя Коля со своей алюминиевой кружкой на цепочке так долго конкурировал не с одним Филипычем, но с целым городским Трестом ресторанов, кафе и закусочных!

И то интересно, каким образом Филипыч со своим складным ножиком ухитрялся выдерживать конкуренцию мощного городского Треста ресторанов, у которого имелось все: от запрограммированной электронной техники до эстрадных ансамблей с утвержденной программой!

Жизнь полна загадок, и есть над чем подумать пытливым умам. Ох, есть!

— Глядишь, к концу заготовок всю дорогу так и замостят!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Павел БОГДАНОВ

ОТДЫХ хающий

Все не по нем: и то и это.
Ему не угодишь ничем —
Ни Черным морем, ни котлетой,
Он недоволен вся и всем.

И солнцу от него досталось,
Его он тоже раскатал:
Оно за тучей где-то шлялось,
Когда на пляже он лежал!

Не дай вам бог его в соседи:
Он вам отравит весь сезон —
И аппетит ваш на обеде,
Купание,
Прогулку,
Сон.

Он настроенье вам испортит
И на концерте,
И в кино,
За шахматной доской,
На корте.
С ним не сыграть и в домино.

Курортник вот такого рода
Еще встречается порой.

Легко вздохнет сама природа,
Когда уедет он домой...

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

ТЕЛЕРЕПОРТАЖ С ОЧЕРЕДНОГО ЮБИЛЕЯ ИХа (хозрасчетной благотворительной организации «Ищу хозяина»).

Говорит и показывает...

ДИКТОР. Внимание! Говорит и показывает город Ихов. Наши чуткие микрофоны и зоркие камеры установлены сегодня в специально отведенных местах, где с особой силой кипит работа по благоустройству города. Благоустройство, товарищи,— это не что иное, как устройство блага. Вернее говоря, устройство многих разнообразных благ. Что же обитатели Ихова понимают под словом «благо»? Скажу прямо, совсем не то, что разумеют под ним в других городах и весях. Чтобы это утверждение не показалось вам, мягко говоря, надуманным и легковесным, позвольте остановить ваше заинтересованное внимание на одной очаровательной, живописной улице и предоставить слово нашим корреспондентам.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Прежде всего, товарищи, внимательно посмотрите вот сюда.

Это 2-я Северная улица города Малая Вишера. Нравится? Нам — очень. Улица, не закатанная в бездушный черный асфальт, как бы возвращает истомленного цивилизацией горожанина к природе, к земле. Нетрудно представить себе, как вскорости здесь произрастет неприхотливый чертополох, за ним закустится какая-нибудь жимолость, а там, глядишь, дуб, бук и граб. Засвищут щеглы. Поселится сохатый...

Это ли не благоустройство? Это ли не устройство блага?

Возможно, нашу передачу смотрят сейчас работники ленинградского строительно-монтажного поезда № 1 Октябрьской железной дороги. Это ведь их трудами некогда безликая, обычно мощеная улица превращена в дикую поляну. Это благодаря им на карте Ихова появился еще один живописный уголок природы.

ДИКТОР. Спасибо за ваш содержательный и интересный рассказ. А теперь, друзья, мы приглашаем к телевизорам всех любителей спорта. Некоторыми своими оригинальными соображениями с вами поделится наш тренер.

ТРЕНЕР. У себя в Ихове мы решили в корне пересмотреть методику подготовки значкистов ГТО и кое-какие принципы спортивных состязаний. Например, кто должен побеждать в спорте: сильнейший или просто-напросто дружба? Мы считаем — ни тот, ни другая. У нас победил здравый смысл. В каком еще уголке земного шара человек может свободно прогуливаться по дну плавательного бассейна без акваланга, без водолазного скафандра, а просто в тренировочном или выходном шевиотовом костюме и после этого остаться совершенно сухим? В каком еще бассейне мира обеспечена абсолютная безопасность для всех: от пребывающих в грудном возрасте до находящихся в нетрезвом виде? В каком еще бассейне нашей планеты новичок, не умеющий плавать даже «по-собачьи», может легко обойти мастера вроде Владимира Буре? Только у нас, в нашем родном иховском совершенно обезвоженном бассейне.

А создание такого уникального комплекса осуществлено в Черняховске до смешного просто и дешево. Взяли открытый плавательный бассейн и под предлогом перестройки в закрытый выпустили из него воду. Затем к нему не прикладывали рук в течение десяти лет. И результат налицо.

ДИКТОР. Спасибо за ваш содержательный и интересный рассказ. А теперь, друзья, небольшая музыкальная пауза. (Звучит песня А. Бабаджаняна «Чертово колесо».) Вы, конечно, узнали эту популярную песню. Но сегодня эти слова и эта музыка приобретают новый, неожиданный смысл. Упоминание в песне черта звучит с особой силой в исполнении жителей города Гусь-Хрустальный. Именно там вот уже много лет черт знает что творится с роскошным аттракционом — колесом обозрения. Вернее, с ним ничего не творится. Свой последний оборот колесо совершило шесть лет назад. С тех пор грандиозная металлическая конструкция не вознесла над землей ни одного гусьхрустальца и ни единой гусьхрусталинки. Но не робость местных жителей тому причиной и не отсутствие в них воскресного задора. Просто названное колесо решили поставить в глухом сосновом бору, вдали от человеческих троп. А теперь местные жители без особой боли оторвали от сердца этот увеселительный агрегат и передали его Ихову. Здесь оно пришлось ко двору.

У нас в Ихове уже никто укоризненно не покачает головой и не скажет: «А все-таки оно не вертится!»

ДИКТОР. Спасибо за ваш интересный рассказ. А сейчас, дорогие друзья, пока не доставлены очередные экспонаты для показа, у меня есть несколько секунд, чтобы познакомить вас с почтой, которая поступила в адрес нашей передачи.

Служащие ялтинского пансионата «Кастрополь» с дорогой душой и легким сердцем дарят нам 16 фонарей дневного света, которые по идее должны были еще с 1968 года освещать работникам пансионата прямую дорогу на работу. Однако работники так и не взвидели по сию пору белого дневного света. Но за работников просят не беспокоиться. В письме содержится намек, что за прошедшие годы на этой дороге о коварные столбы набито столько, фигурально говоря, «фонарей», что бояться тьмы уже не приходится.

Но, впрочем, мы опять ощущаем прилив бурных, неуемных волн иховского благоустройства. И я передаю микрофон нашим корреспондентам, ведущим репортаж с крупного завода, недавно вступившего в строй в нашем городе.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ. Последнее время много говорится об эстетике производства. А много ли делается? Много ли цехов превращено в зимние сады, чтобы взгляд труженика постоянно отдыхал на магнолиях и рододендронах? Да, далеко еще не все кабинеты, лаборатории и цехи стали теми уютными домашними уголками с психологической совместимостью отдыха и работы. Где же тот долгожданный праздник «дизайна», призванный украсить наши трудовые будни и повысить производительность? Не пора ли решительно очистить свои рабочие места от попадающихся там и сям на каждом шагу всяческих станков и прочих мелких и крупных орудий производства?

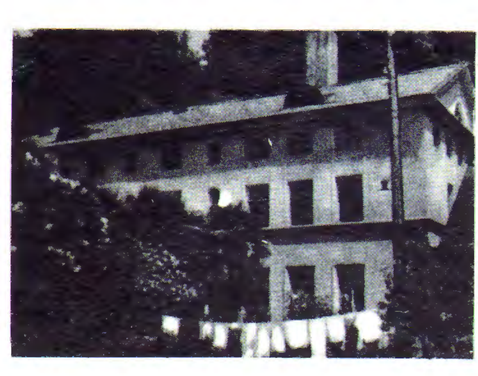
С этими наболевшими вопросами мы и обращаемся к дирекции Московского эндокринного завода.

ДИРЕКТОР. Ваш пессимизм неоправдан. Кое-что в этом направлении уже делается. Мы, например, стараемся свести на нет раздевалки для рабочих. Положительно решен вопрос с умывальниками в отрицательном смысле. Давно нет проблемы и со спецодеждой. Ее тоже нет. Но особо хочется сказать о главном. Свою продукцию, сырье, а также и изрядную часть ценного оборудования мы решительно вынесли прямо под открытое небо. С одной стороны, мы очищаем заводские помещения. А с другой стороны, создаем стихийный мемориальный комплекс, ярко выражающий специфику нашего производства. Любому посетителю, будь то отдельный человек или целая экскурсия, с первого взгляда станет ясно, что и как мы делаем.

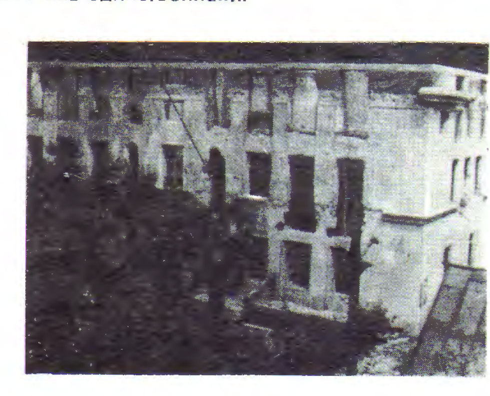

ДИКТОР. Наша передача подходит к концу, а у нас еще множество самых разнообразных объектов, которые переданы иховчанам безвозмездно из всех уголков страны. Поэтому нам придется буквально в телеграфном стиле выразить благодарность некоторым частным лицам и организациям, немало потрудившимся для благоустройства Ихова.

Взгляните вот на этот аккуратненький и чистый дом.

Само собой такому строению не нашлось бы места на проспектах Ихова. Крыша есть, окна в наличии, чердак, трубы — все как полагается. Более того, сообщим вам, что в этом домике, стоящем на одной из улиц красавицы Хосты, семь лет назад располагалась прачечная завидной пропускной способности. Но Сочинский территориальный Совет еще и тогда предчувствовал, что город Ихов обязательно будет заложен, и потому загодя готовил щедрый подарок. Для начала прачечную ликвидировали. Оборудование частично вывезли, частично позволили разворовать. В таком виде дом был передан курортной поликлинике № 3. Пока главный врач товарищ Грабарь обмозговывал, как лучше переоборудовать помещение, хозяйственные люди сдирали с крыши шифер, вынимали оконные рамы, снимали с петель двери. И от того дум у товарища Грабаря прибавлялось с каждым днем. Затем здание было передано ближайшему санаторию «Волна». Но теперь уже санаторное начальство, пожалуй, резонно решило, что проще и дешевле построить что-нибудь новое и оригинальное, чем поднимать из руин старую прачечную. И ее, не задумываясь, решили послать в дар Ихову. Вот она неповторимая, вот она единственная!..

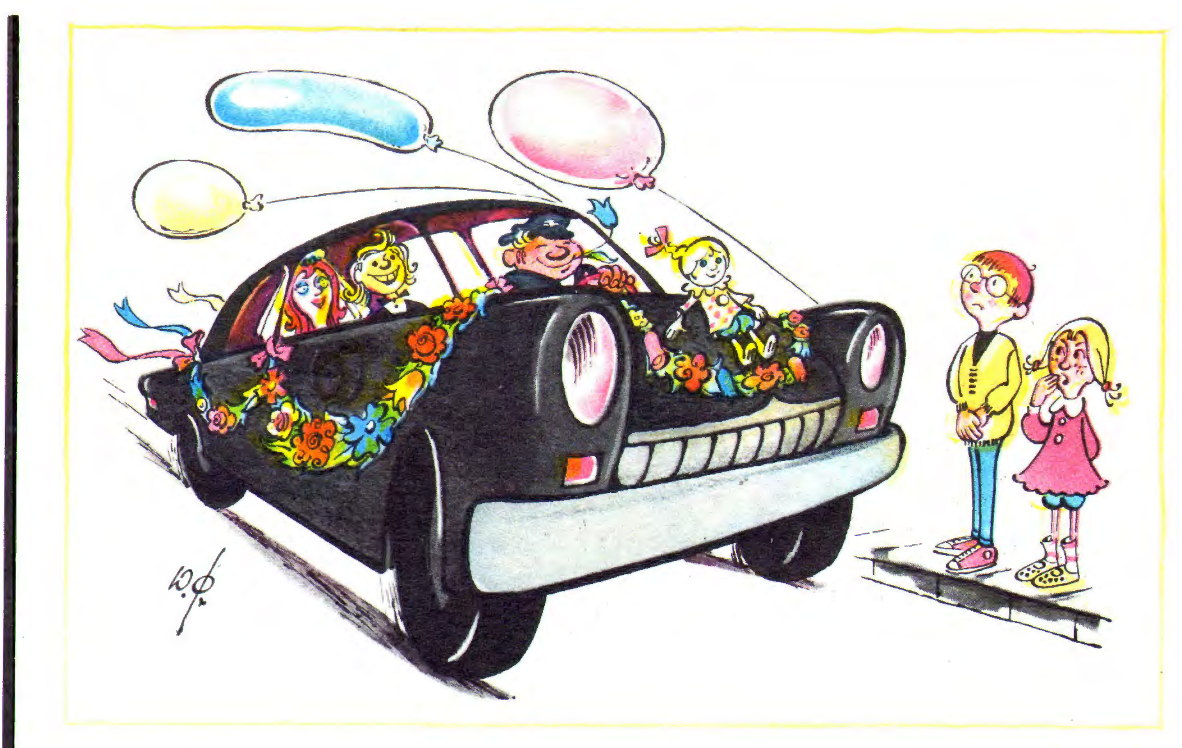

А теперь с пожеланием новых интересных встреч позвольте и закончить нашу передачу, в подготовке которой приняли участие активисты Крокодила: А. Деснянский, Ю. Матвеев, Я. Пахальян, А. Пукало, К. Трусильников, П. Честной, Е. Чубкин.

Всего наилучшего! До новых встреч!..

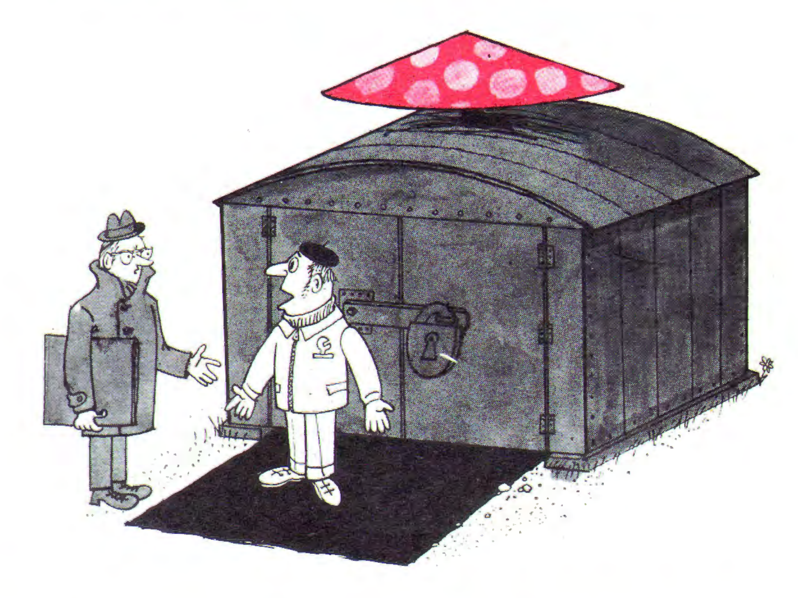
— ...А этот товарищ по совместительству работает у нас снабженцем.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

— Совсем как дети: шарики, куколки, ленточки...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Что вы! Никакой детской площадки я не захватывал...

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Вот заявление на соседа принесла.

Рисунок О. КОРНЕВА

Станция ЗАПРАВОЧНАЯ

Л. СОЙФЕРТИСА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ НА ЗДОРОВЬЕ!

В четвертом выпуске «Кожаного Чулка» — информационного бюллетеня хозрасчетной благотворительной организации «Ищу хозяина» — была помещена фотография настоящего кладбища бревен.

Наш читатель Н. Хоробров писал: «Мечтаю на листе бумаги, которая будет сделана когда-нибудь из этих брошенных бревен, черкнуть всего два слова: «Нашлись хозяева». Но сбудется ли мечта?» («Крокодил» № 20).

Спешим сообщить, что мечта Н. Хороброва почти сбылась. Как сообщил в редакцию секретарь партбюро Междуреченского лесоперевалочного комбината треста «Волголесосплав» тов. Пашкин, меры по заметке приняты: хозяева бревен нашлись, и древесина будет пущена в дело.

ОТ РЕДАКЦИИ «КЧ». Вообще-то «Кожаный Чулок» — организация хозрасчетная и существует на позабытое и позаброшенное, но тем не менее мы с удовольствием возвращаем хозяевам их кубометры. Пользуйтесь на здоровье и больше не теряйте!

«А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ!..»

Чтобы построить автополигон для испытания автомашин, требуются специальные и немалые затраты государственных средств. А вот в городе Энгельсе, что в Саратовской области, состояние дорог таково, что сколько хочешь найдется таких полигонов, и совершенно бесплатно! Об этом и говорилось в заметке «А почему бы и нет?..», напечатанной в журнале «Крокодил» № 18.

Как сообщил редакции председатель Энгельсского горисполкома тов. Ю. Васильев, в настоящее время в городе отремонтированы дороги общей площадью 81,0 тыс. кв. м. Полностью ремонт будет закончен в ближайшее время.

«ОПЕРАЦИЯ «БЕ-МЕ»

Странные вещи происходили в совхозе «Рощинский», Курского района, Ставропольского края. Там по долинам и взгорьям разгуливала... подпольная, величиной в тысячу овечьих голов, отара. И принадлежала эта отара частным лицам, хотя и паслась на совхозных полях. Об этом рассказывал В. Канаев в фельетоне «Операция «Бе-ме», опубликованном в 21-м номере журнала.

Как сообщил редакции секретарь Курского райкома партии тов. А. Черевань, фельетон признан правильным. За содержание личного скота в совхозных отарах директору совхоза тов. Н. Кудленко объявлен выговор с занесением в учетную карточку. Выговор объявлен также секретарю парткома совхоза тов. И. Назаренко.

ОДЕЖДА И ПОЖАРЫ

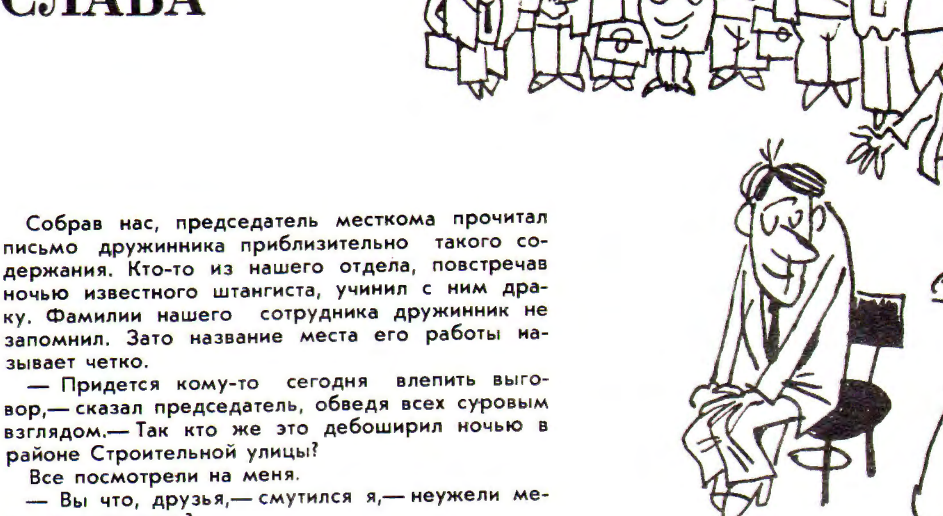
В заметке «Дорогой Крокодил!» («Крокодил» № 21) речь шла о том, что в городе Кирсе, Кировской области, спецодежда, выдаваемая пожарным, не соответствует росту, что, естественно, очень мешает работе. А работа у пожарного особая...

И. о. начальника УПО УВД Кировского облисполкома тов. М. Архипов сообщил редакции: Управлением пожарной охраны приняты меры к тому, чтобы впредь пожарным выдавалась полноценная одежда.

Юрий ПРОКОПЕНКО

Рассказ

ЧУЖАЯ СЛАВА

Собрав нас, председатель месткома прочитал письмо дружинника приблизительно такого содержания. Кто-то из нашего отдела, повстречав ночью известного штангиста, учинил с ним драку. Фамилии нашего сотрудника дружинник не запомнил. Зато название места его работы называет четко.

— Придется кому-то сегодня влепить выговор,— сказал председатель, обведя всех суровым взглядом.— Так кто же это дебоширил ночью в районе Строительной улицы?

Все посмотрели на меня.

— Вы что, друзья,— смутился я,— неужели меня подозреваете?

Все молчали.

— Верно, мой брат, что живет на Строительной, в тот день как раз справлял новоселье. И я действительно ночью возвращался домой. Но, поверьте, никакого штангиста не встречал.

— Ну, это уже легче,— вздохнул председатель.— Просто, наверное, выпил лишнего на радостях и не помнишь.

— Да нет же, клянусь!— заверил я.

— Клятвы тут неуместны,— сказал председатель.— Я сам, помню, выпил как-то больше, чем надо, и потом такое выделывал! А что именно, не помню.

— А я отлично все помню. Вышел из дому и через несколько метров встретил такси...

— Может, он штангиста за такси принял и пытался остановить?— подумал кто-то вслух.

— Вполне возможно,— заметил председатель.

— Да поверьте же наконец,—сказал я,—в тот вечер я был совершенно трезвый...

Дружный хохот не дал мне окончить фразу.

— Ну и насмешил!— Вытер слезы председатель.— Пойти на новоселье к брату и выйти оттуда трезвым — что может быть смешнее?

Я оглядел присутствующих: ни у кого не было сомнений, что именно я был участником злосчастной драки.

— Посмотрите на меня, на мою фигуру, на мои мускулы! Разве я способен побить спортсмена да еще штангиста? — умоляюще попросил я.

— У меня есть знакомый,— отозвался с места ученик чертежника,— совсем хилый, но восемь порций второго может запросто съесть и еще пива по двенадцать кружек выпивает.

— Сознавайся, а то хуже будет,— грозно сказал председатель.

И я сознался.

— Было. Дрался. Больше не буду,—утомленно сказал я и сел.

— Э, так нельзя,—закричал председатель,—ты давай подробности! Как подрался, почему, при каких обстоятельствах. Выговор тебе все равно обеспечен. Не для того же мы собрались, чтобы только факт констатировать.

— Какие подробности?— смущенно сказал я.— Ну иду я после новоселья. Гляжу, по тротуару какая-то гора движется. Я попросил его сойти на мостовую. Он ни с места. Так я ему ка-а-к врезал— он на другую сторону улицы перелетел!

— Какой силач! — выкрикнул женский голос.

— Вот это удар!— отметил чей-то бас.

— Перелетел с одного удара?— осторожно поинтересовался председатель.

— Буду я еще на него два удара тратить,— небрежно сказал я.

— Позвольте!— возмущенно поднялся вдруг наш электрик.— К чужой славе хочешь примазаться? Не выйдет!

Все посмотрели на него. Электрик никогда не выступал на собраниях.

— Пишите выговор мне,—сказал он.—Это я ударил прославленного штангиста.

Перевел с украинского Ян ОСТРОВСКИЙ.

Александр СОБОЛЕВ

А КОЛЕСО НЕ ВЕРТИТСЯ...

Вот как бывает иногда,
хотя совсем не верится:
шумит на мельнице вода,
а колесо не вертится.
К чему веду я разговор,
яснее станет ясного...

В горторг приехал ревизор
разряда первоклассного.
Директор торга произнес
в кругу своих товарищей:
— Очередного черт принес,
глядите-ка, поджаристый!
Из тех он, верно,
из «сухих»,
а может быть,
рисуется!
Видали мы и не таких,
авось, бог даст,
столкуемся!
Но ревизор
вонзал кинжал
в места весьма эффектные:
то на главбуха
крепко жал,
то вызывал директора.
Ну, словом, десять дней
росли
улик
бугры зловещие.
Но торг
они не потрясли,
не дал он даже трещины:
в избе остался
прежний сор,
и все пошло
по-старому.
И этот
«сдался»
ревизор —
умаслили «поджарого»...
— Вновь ревизор! —
Директор аж
вошел от возбужденья в раж.
— Давай товарооборот,
ассортимент и прочее...
А ревизоров сколько в год
и госуполномоченных!
Ну, прямо
толпами
идут —
нежданные незваные.
Какой же тут
нормальный труд!
Мешают окаянные!
Мешают,
просто нету сил!
Набегов —
эскалация!
А я директора спросил:
— Мешают
махинациям!
Хитро директор поглядел,
погладил «Волгу» личную.
— Контроль нам просто
надоел,
а так...
дела отличные!..

Вот как бывает иногда,
хотя совсем не верится:
шумит на мельнице вода,
а колесо
не вертится!

Открытое письмо тем, которые берут, и тем, которые дают

Доброго здоровьица, малоуважаемые граждане и гражданочки!

Сел писать вам письмо, а на душе чувствую такое блаженство, словно мне кто-то дохлую крысу за пазуху бросил. Недаром, наверное, наш знаменитый юморист Остап Вишня, садясь писать про «всякое,— как он говорил,— черт знает что», всегда на всякий случай крестился, приговаривая: «Господи, боже мой! Помоги мне!»

Помоги и мне, боженька, ибо я сегодня собрался писать о мелких взятках и мелких душах.

...Час назад была у меня на приеме буфетчица одного киевского ресторана. Вошла взволнованная, на лице ее играли розовые асимметричные пятна, свидетельствовавшие о крайнем нервном возбуждении, и начала исступленно обстреливать меня непонятными вопросами:

— Да что же это делается? До каких пор это будет продолжаться? Когда же наконец с этим покончат? Когда уже их начнут сажать в кутузку?

— Успокойтесь,—говорю,— уважаемая гражданка. Выпейте воды и спокойно расскажите, что случилось.

— Спокойно об этом говорить нельзя! Стыд и срам! Ехала вот к вам на такси. Подвез меня сюда, смотрю, счетчик набил ровно пятьдесят копеек. Я даю ему рубль, он спрятал его в карман и делает вид, что мы с ним квиты. А я из машины не выхожу, жду сдачи. Он усмехается и ехидно этак спрашивает:

«Вы, дамочка, выходите или думаете отдыхать в моей машине? Не забывайте, что у меня план».

«А вы,—говорю,— не забывайте сдачу давать».

Он надулся как мышь на крупу, достал кошелек с мелочью и швырнул мне сдачу. И знаете, что еще, нахалюга, сказал:

«Чтоб ты жила на свою зарплату, старая макулатура!»

— А номер машины вы запомнили?

— У меня от обиды в глазах потемнело, а вы еще про номер спрашиваете.

— Сочувствую вам, но на этот раз патентованный нахал останется ненаказанным. В Киеве такси много,— говорю разнервничавшейся посетительнице.

— А вы думаете, он один такой? Развелось их теперь кругом, как блох на паршивой собаке. Куда ни ступи — дай, куда ни повернись — дай. Поэтому-то я к вам и приехала. Эти бессовестные калымщики, представьте себе, все нервы у меня вымотали. Вы только подумайте. В нашем ресторане имеется целый штат слесарей и монтеров. Получают зарплату, никогда не перерабатывают, а если свет погаснет или кран испортится, то хоть умри, а дай на лапу за то, что вкрутит новую лампочку или прокладку в кране заменит. Да еще сто граммов ему поднеси. Вчера, представьте себе, перегорели пробки. Погас свет в буфете, повыключались холодильники с продуктами, ну, я к телефону, звоню электрикам.

«Сейчас придем»,—отвечают.

Жду час, представьте себе, не идут. Звоню снова. Снова отвечают: «Сейчас идем». Еще час прошел, а их все нет. Что же делать? Опять звоню.

«Хлопцы,— говорю,— чего же вы не идете сто граммов выпить? Да и пиво свежее привезли».

«Бежим, тетя Муся, бежим!»

И, представьте себе, прибежали. Аж трое. Заменили пробки, я налила им по сто граммов, дала по порции заливного судака, а один спрашивает:

«А где же пиво, тетя Муся, не вижу пива».

«Пива еще не привезли,— отвечаю,— хватит с вас и по сто граммов».

«Э, без пива не бывает дива,— скалит зубы другой.— В таком случае, тетя Муся, с вас причитается еще трояк — по одному рублю на рыло».

Я давай их совестить.

«Вы,— говорю,— не путайте меня с Рокфеллером. Я рядовая буфетчица, и зарплата у меня не больше вашей».

А они мне:

«А вы не путайте нас с Ротшильдами. Мы тоже миллионами не ворочаем. А не дадите, так в другой раз звоните Черчиллю, пусть он вам тут всякие ремонты делает».

И, представьте себе, пришлось дать. И, представьте себе, вот такое на каждом шагу, куда ни повернись, куда ни ступи. Так как же можно прощать им такое нахальство? Да бить их за это надо и в хвост и в гриву!

— Правильно говорите, уважаемая гражданка,— отвечаю,—бить за это надо крепко, бить так, чтоб аж перья с них летели!

— Вот-вот,— повеселела моя посетительница,— за этим я к вам и пришла. Всыпьте этим калымщикам такого перца, чтобы чесались там, где и не чешется.

— С огромным удовольствием выполню ваш заказ, но заодно и вам, уважаемая, придется отведать этого угощения.

— Мне? А за что?— удивленно всплеснула руками посетительница.

— А за то. С какой это радости вы их кормите-поите на дармовщину? Зачем тычете трояк в лапу вместо того, чтобы по старой нашей доброй традиции ткнуть им в бессовестные рожи комбинацию из трех пальцев? Не давайте. Не станет тех, которые дают, не будет и тех, которые берут. Это логика, причем железная.

И представьте себе: отказалась тетя Муся даже фамилию свою назвать, отказалась дать точные координаты ресторации, в которой она работает, быстро вскочила со стула, подчеркнуто сердито бросила: «Хотите, чтобы и эти макулатурой меня обзывали!» — и вылетела из комнаты, как пробка из бутылки шампанского.

Но я пишу вам не только под впечатлением этого не совсем дипломатичного визита. В последнее время, малоуважаемые граждане и гражданочки, моя почта запестрела письмами о подобных неприятных фактах из некоторых других широт республики нашей. Одни пишут о липкоруких калымщиках с авторемонтного завода. Пригнали на завод колхозную автомашину на ремонт, а заводские приемщики с ходу в кузов заглядывают.

— А где же кабанчик? — спрашивают.

— Какой кабанчик?

— А такой себе, на соломе же опаленный.

— А зачем вам кабанчик? За ремонт мы будем платить деньгами, а не свининой.

— Э,— говорят,— деньги само собой, а кабанчик сам собой. Кабанчик, чтобы вы знали, да еще на соломе опаленный, весьма позитивно на сроки и качество ремонта влияет. А если к кабанчику приплюсовать десяток поллитровок да еще бидон гречневого меда, то работа будет еще пуще спориться.

Другие возмущаются липкорукими, и из некоторых предприятий сферы обслуживания. Не сунешь в карман закройщику «Индпошива» пятерку — полгода будешь ждать, пока тебе костюм пошьют. Не дашь на чекушку слесарю жэка — ни за что кран на кухне не починит.

Третьи пишут... Но хватит! Противно! Вы сами понимаете, что не в количестве фактов суть, а суть в самой мерзости. И я целиком разделяю мысль тех авторов писем, которые считают, что «калым», мелкие поборы, мелкое взяточничество — явление не менее отвратительное, не менее аморальное, чем взяточничество крупное. Это родные братья, это близнецы-уроды, только ростом по-разному вымахали.

Я, разумеется, не склонен смотреть на действительность с колокольни тети Муси, я не буду сгущать краски, как это делает она, утверждая, что кругом процветает калымщина, что куда ни повернись — дай, куда ни ступи — дай. Но есть еще братия с липкими руками, с безразмерным карманом и куцей совестью. Не перевелась еще она, не сошла с кона. И поэтому я всячески поддерживаю мнение тех читателей, которые считают, что настала пора объявить оголтелой и разнузданной братии бой. Бой правый, бескомпромиссный и повсеместный.

И, представьте себе, я даже согласен с тетей Мусей: очень хорошо было бы, если б за мелкие поборы, мелкое взяточничество начали присуждать хотя бы такую же мзду, как за мелкое хулиганство — ну пусть месяц, пусть 15 суток кутузки. И тем, что берут, и тем, что дают.

Федор МАКИВЧУК,
главный редактор журнала «Перец».

Сатирические миниатюры

Заки НУРИ

ПОЧЕМУ!

— Ты курочек обидела опять,
А жалоб не слыхать
На те обиды...
Лиса вздохнула, облизнувшись сыто:
— Не успевают, бедные,
Писать!..

САМЫЙ ОСТРЫЙ НОЖ

Хозяин тамаде свой нож вручил:
— Дружище,
Режь баранину смелее!
На белом свете нет ножа острее —
На языке супруги наточил!

УМЕСТНАЯ ПРЕТЕНЗИЯ

Ворвался Петух к председателю:
— Брат!
Мне это совсем непонятно:
Все семь сторожей на зарплате сидят,
А я их бужу
бесплатно!

Перевел с татарского
Александр ГОВОРОВ.

М. БОГУСЛАВСКИЙ

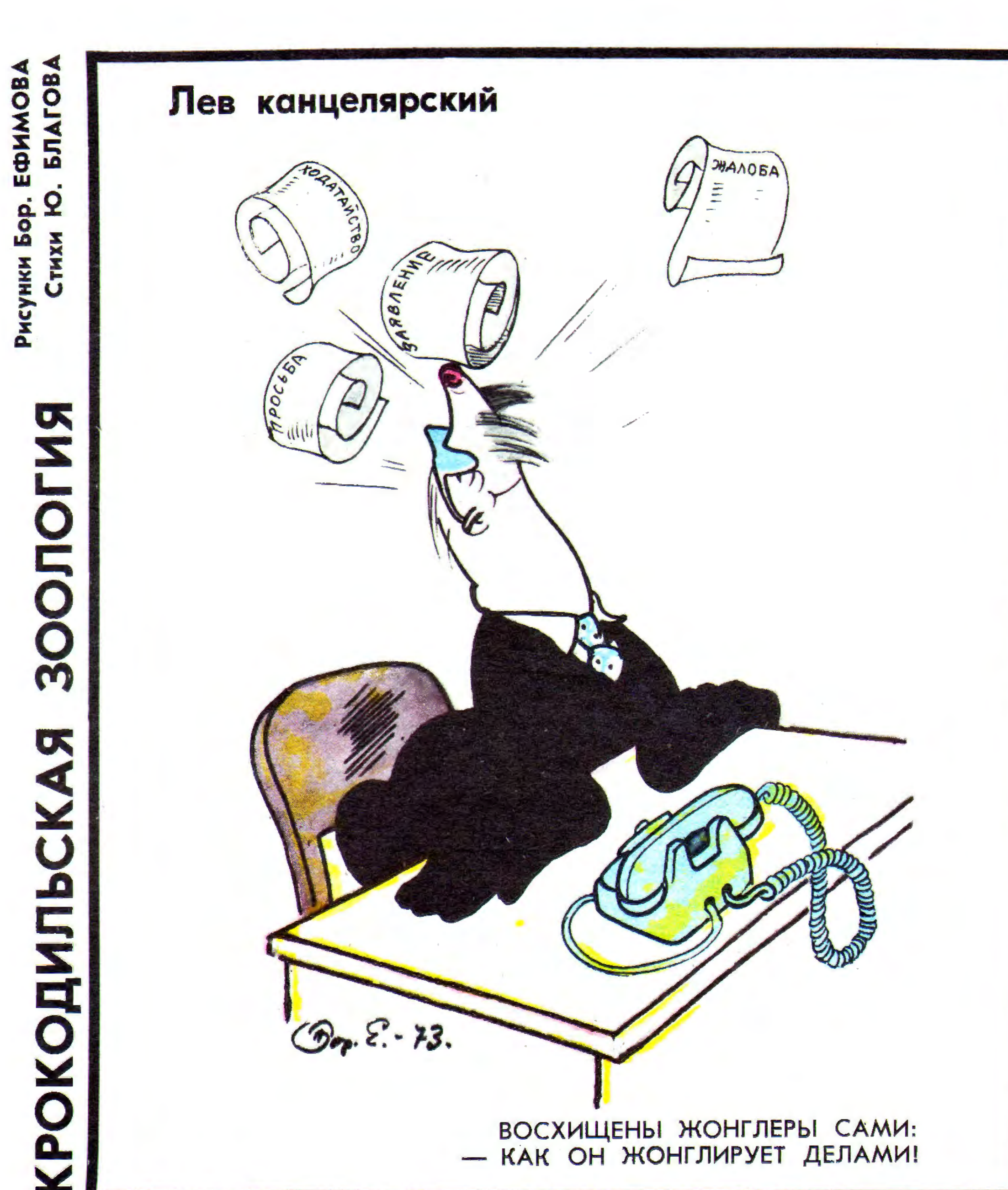
ТАК ИЛИ ЭДАК

— За что это ты, кум, под суд попал!
— За то, кума, что через меру брал.
А ты, скажи, за что сама попала!
— Несправедливость! Я ж недомеряла.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ЗООЛОГИЯ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ю. БЛАГОВА

Лев канцелярский

ВОСХИЩЕНЫ ЖОНГЛЕРЫ САМИ:
— КАК ОН ЖОНГЛИРУЕТ ДЕЛАМИ!

Утконос

ОН ПОПОЛНЯТЬ ЗАПАС ПРОВИЗИИ
УМЕЕТ МЕТОДОМ РЕВИЗИИ.

Осьмирук

ЗА ВСЕ БЕРЕТСЯ, ВСЕ ХВАТАЕТ,
ДУШИ В НЕМ НЕТ, НО РУК — ХВАТАЕТ.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Идеальная позиция

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

Зря, между прочим, мы такой шум поднимаем вокруг некоторых иностранных футбольных имен.

Особенно если это имя играет в нападении.

Всё кричим «Эйсебио, Эйсебио!», всё восхищаемся Мюллером...

Конечно, Мюллер есть Мюллер, кто спорит? И Эйсебио ничего, на уровне. Но ведь и у них есть недостатки. Недоработки. Упущения. Вы разве не замечали? А я вот давно заметил: кое-что из того, что удается некоторым нашим форвардам, иностранные ни в какую не могут! И сколько бы ни старались, никогда и ни при каких обстоятельствах не смогут.

Выходит, например, вышеозначенный Эйсебио на ворота. Один на один. Позиция идеальная. Из этой позиции он, Эйсебио, просто не может не забить.

И Мюллер тоже не может.

А наш форвард может.

Причем в этом положении все-таки еще обвести, обмануть вратаря надо. А ведь бывает так, что и вратарь лежит и ворота пустые. Чтобы не забить из этого положения, вообще нужен редкий талант. Большое искусство. Тончайший расчет. Чтобы мяч прошел буквально в сантиметре от боковой штанги или над верхней перекладиной.

Удавалось ли такое когда-нибудь хваленому Эйсебио? Да никогда!

Мюллеру? Ни в коем случае!

А нашим форвардам удается. И неоднократно.

Так-то. Я не раз задумывался: откуда у них такое умение? И прихожу неизменно к выводу, что в основе лежит упорный и повседневный труд.

Эти форварды, вероятно, подолгу отрабатывают соответствующие приемы и навыки на тренировках. Упражнение на незабитие называется. Ставится, видимо, задача: с любой, самой выгодной и идеальной позиции не попасть в ворота!

Попал в штангу — замечание.

Угодил во вратаря — предупреждение.

Забил мяч в ворота — получай, братец, двойку за прилежание.

Результаты, как говорится, налицо. Взятие ворот в иных командах приравнено по трудности к взятию Гималаев. Лучший наш бомбардир плетется в списке футбольных снайперов Европы где-то ближе к концу, чем к середине. В общепризнанных, популярных командах у нас есть форварды, которые забили за этот сезон один гол.

Один! Это цифра, не правда ли? Все равно, если бы вратарь пропустил за сезон 100 или даже больше мячей. Никакие ссылки на прыгучесть, реакцию, ловкие перехваты не спасли бы престиж этого вратаря.

А о нападающих говорят:

— Вы посмотрите зато, какой у него дриблинг! Какая стартовая скорость! Как он видит поле!

Если бы на футбольные матчи ходили близорукие или, не дай бог, слепые, тогда, возможно, сборы по-прежнему радовали бы руководителей стадионов и Министерство финансов. Но те, кто сидит на трибунах, тоже неплохо видят поле и то, что на нем происходит. Поэтому их становится все меньше.

Автор должен чистосердечно признаться, что и он стал куда реже ходить на футбол и гораздо чаще включать телевизор.

Во всяком случае, если уж забьют долгожданный гол, то считай, что ты увидел сразу два гола: ведь на голубом экране интересные моменты игры теперь повторяют!

Что ж, может, стоит ввести это новшество и на поле? Забил нападающий гол, пусть повторит на «бис» для всеобщего удовольствия.

Только ведь второй раз у него ни за что не получится. И пока он не научится это делать почаще, я останусь у телевизора.

Идеальная позиция!

ИЗ ЗАЛА-СЮДА!

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

ЗАПАНИБРАТА С ТЕХНИКОЙ

Ох, и расплодили мы техники на свою голову! Столько, понимаете, вокруг колес и всяких механизмов, что даже возникает какое-то чувство тревоги. И, между прочим, неспроста. Только и слышишь: вон там увеличилось число дорожных происшествий, там водитель разбился, там — мотоциклист. И иной раз даже кажется, что от этой техники больше вреда, чем пользы.

Но это, конечно, только кажется. Если к технике подходить толково, что называется, с умом, то от нее будет не только вред, но и польза.

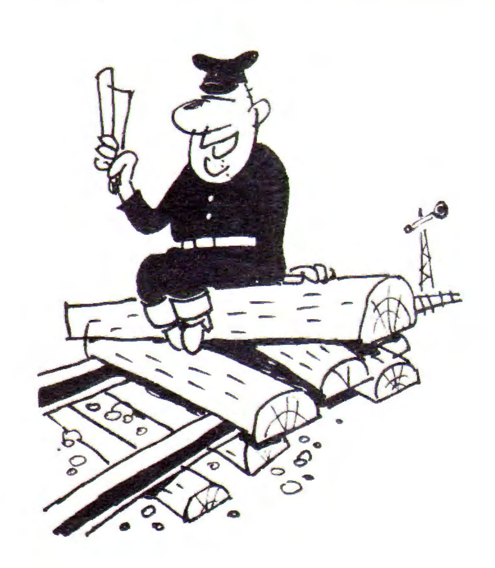
В подтверждение этой мысли я хочу рассказать пару поучительных историй. Когда человек соприкоснулся с техникой и смертельного исхода от этого не произошло. Правда, в наших случаях дело закончилось тюрьмой, но это ерунда по сравнению с тем, что могло бы быть.

Эти истории произошли возле Тюмени, так что единство места здесь соблюдено. И случились они на железной дороге. Так что единство действия тоже наличествует.

А работал не так давно на перегоне Уково — Новая Заимка путевой обходчик Георгий Леонтьевич Чудаев. Ходил он туда-сюда по своему перегону и, к несчастью, тоже заинтересовался теоретическим вопросом: какая ему польза от всей этой техники, которая с ужасным грохотом проносится мимо? У него был философский склад ума. Он мыслил так: в поездах едут люди, им от этого польза. А как сделать, чтобы была польза и мне, товарищу Чудаеву?

Ну, я уже говорил, что главное — надо подходить к делу с умом. А это, уважаемые, не так просто. Это не каждому дано.

Но Чудаев все детально обмозговал и решил сделать вот что: он решил соорудить на рельсах завал. План был коварен и хитер, ничего не скажешь. Обходчик рассудил, что если какой-нибудь скорый проследует спокойно, как всегда, то выгоды от этого ему, Чудаеву, никакой не будет. А если он этот поезд возле завала остановит, то тем самым вроде бы проявит бдительность. И выгода как раз появится.

Ну, какая выгода? Может, благодарность, может, повышение по службе, может, даже почетная грамота, мало ли что... Во всяком случае, есть из-за чего огород городить.

И вот меня порой удивляет, как рушатся самые, казалось бы, продуманные планы. Можно было бы исторические параллели провести, да, к счастью, место не позволяет.

Уж тут, казалось, все было учтено. И время прохода поезда, и завал вышел на славу — ни один поезд его не возьмет. И вот на тебе: получилось вовсе не так, как было задумано.

На сооружение преграды пошло несколько шпал, шпалоподбойки, которые неподалеку разбросали ремонтники. Все это было на совесть увязано и скручено проволокой. Как для себя старался товарищ Чудаев. А сверху еще ручную тележку навалил. Для прочности. Ну куда почетной грамоте деться?

Можно сказать, почет уже в кармане, если бы не вмешался в это дело какой-то злосчастный, трижды господом богом проклятый локомотив. Этот локомотив ехал один, без расписания и, конечно, по глупости наехал на этот завал. Правда, по своей или по чьей-либо другой глупости — неизвестно.

Потому что и Чудаев помчался навстречу предупреждать машиниста, и машинист начал экстренно тормозить, но все это, увы, было поздновато. Пришлось малость покорежить локомотив. К счастью, не так чтобы очень. Одним словом, он был в состоянии продолжать дальнейший путь.

И вот вместо грамоты — восемь лет тюрьмы. Да еще строгого режима. Да еще три шестьдесят две — судебные издержки. Вот что особенно обидно! Три шестьдесят две! Кому это понравится?

Я, конечно, понимаю, что эта история не слишком показательна, потому что у нее грустный финал. Тут все дело подпортил локомотив. И не будь его, вы бы согласились, что техника не так уж зловредна по своему существу и тоже на что-то годится человеку.

Как, например, она выручила несколько человек, которые однажды захотели растопить печку! Тут уж, я доложу, без техники им хоть пропадай. И вы убедитесь в этом сами.

Не так давно рабочие совхоза «Ново-Андреевский» везли по железной дороге партию скота в Тюмень. Погрузили своих коров в вагоны и на радостях, естественно, выпили. Уж не знаю, зачем им понадобилась печка, потому что согрелись они и без нее хорошо. Им, наверное, закуску понадобилось разогреть. Доподлинно не знаю. А печка, будь она неладна, не горит. И растопить ее нечем. Уголь бумагой не разожжешь.

Ну, такое затруднение я не знаю кого остановить может. Чеховский «злоумышленник» еще когда догадался, где брать грузила. А сейчас мы стали ужас какие грамотные. И с техникой, можно сказать, запанибрата. И понимать ее стали более детально и глубоко.

На станции Малый Остров один из рабочих, Баталин, пошел за растопкой. Видит, рядом на путях грузовой состав под номером 2347. В составе — вагоны, в вагонах — буксы, в буксах эта растопка и есть. Кому не известно?

Известно также, что потом будет: загорится букса без смазки. А от этого может быть крушение. Поэтому ясно, что содержимое буксы надо вытаскивать не в своем поезде, а в соседнем.

Дальше все идет как положено. Наши герои едут, наслаждаются комфортом. Состав под номером 2347 тоже себе бежит, букса горит, назревают пожарные приключения.

Спасибо, железнодорожники оказались бдительными. Не допустили приключений, чуть не на руках свели состав на запасный путь. Так что все закончилось благополучно, если не считать, что с десяток поездов вышло из графика. И если не считать, что дело дошло до Верховного суда РСФСР. Прокурор... Приговор... И прочие малоприятные детали. Век бы их не видеть.

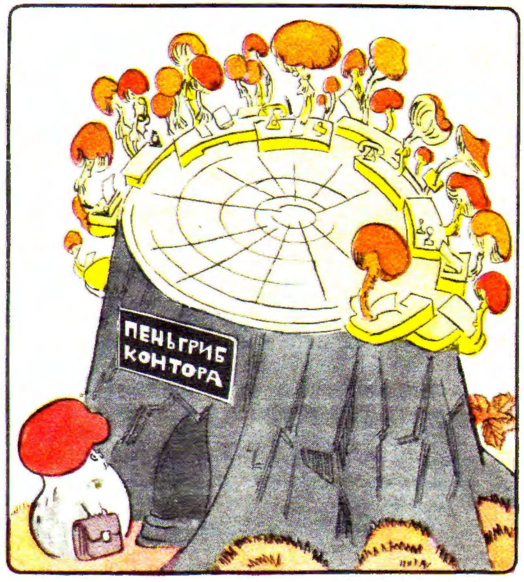
Но если их не считать, то в остальном—тьфу, не сглазить!— все обошлось удачно. Главное— закуска была разогрета, что, собственно, и требовалось.

И я, к примеру, не понимаю людей, которые боятся ситуации, когда в скором времени на наших дорогах появится большое количество грузовиков, самосвалов и прочей автотехники. Потому что автомобиль — это, конечно, серьезная вещь. Он может ненароком задавить. Но он может принести и пользу.

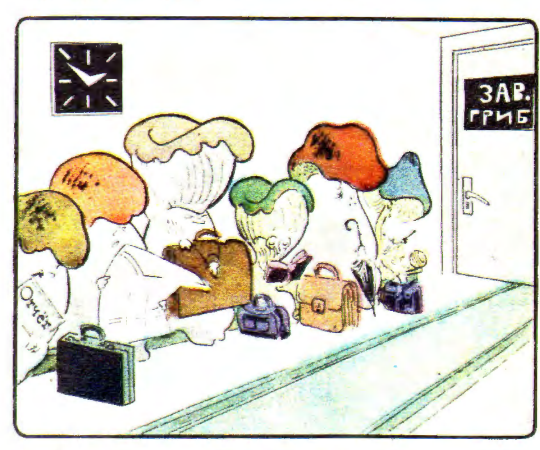
Недавно, к примеру, я вычитал в одном журнале такой полезный совет: если, скажем, покрышку самосвала положить посреди двора, а в середину напустить цыплят, то они никуда не разбегутся. А если сверху еще положить фанерку, то получится уже курятник. Польза человеку? Я думаю, что тут спорить не придется. Если, конечно, в данном предположительном случае дело обойдется без прокурора.

М. БИТНЫЙ

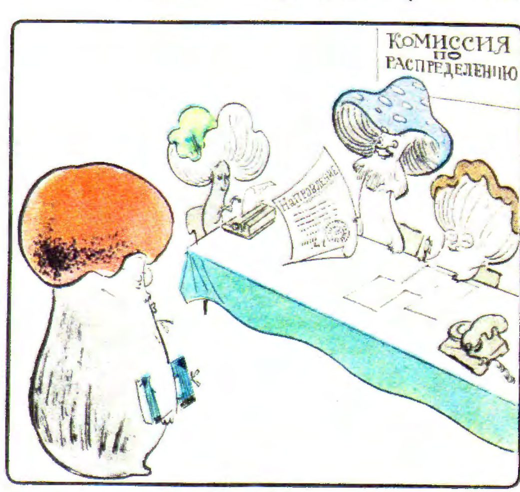
КОЕ-ЧТО О ГРИБАХ

Семейственность

— Сколько же можно нас здесь мариновать?..

— А вас, как молодого растущего подосиновика, мы решили направить в ельник...

— Выдвигали, выдвигали этого опенка, а он оказался ложным!

Алло, земляки!

Мои земляки — это живые крокодилы. Может быть, я неправильно называю их земляками, поскольку они одинаково уютно чувствуют себя как на земле, так и на воде, но этим словом я хотел подчеркнуть существующее между нами родство. С некоторых пор я, «Крокодил» московский, стал тосковать по крокодилам тропическим, моим далеким предкам. И желаю в будущем, 1974 году услаждать свой слух (а заодно и слух читателей) диковинными рассказами о живых крокодилах. Мне все равно, подлинные ли это истории и рассказы или выдуманные, важно, чтобы они были забавными, смешными. Я жду, что рубрика «Алло, земляки!» привлечет внимание всех юмористов, профессионалов и любителей, и они примутся активно разрабатывать только что открытую новую литературную жилу. Думаю, им есть что рассказать о крокодилах, ведь каждому приходилось встретиться с ними хотя бы раз в жизни!

Один, а именно Эмерих Геле (ФРГ), уже приступил к делу...

Эмерих ГЕЛЕ

СПОКОЙНО, ГЕРР КЮНКЕ!

В полицейский комиссариат вбегает взволнованный мужчина.

МУЖЧИНА. Господин комиссар, помогите. У меня под кроватью крокодил.

КОМИССАР. Гм... Каков он, этот крокодил?

МУЖЧИНА. Трех, четырех, а может быть, и пяти метров длиной. Открывает страшную пасть, хочет меня проглотить...

КОМИССАР. Гм, только спокойно, герр...

МУЖЧИНА. Кюнке, Франц Кюнке.

КОМИССАР. Спокойно, герр Кюнке. Сейчас придет человек, который вам поможет.

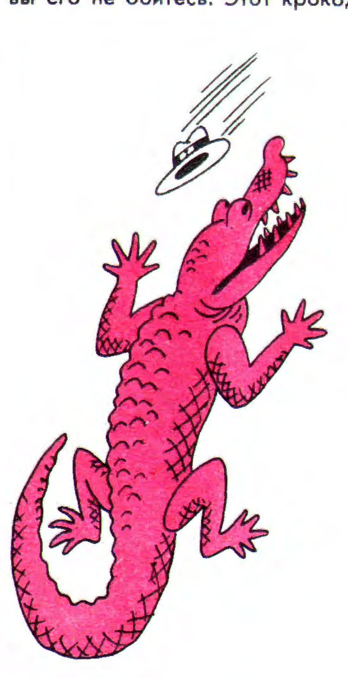
(Комиссар поступил так, как надлежало поступить в таком трудном случае. Он позвонил куда следует, и через несколько минут появился врач в белом халате.)

ВРАЧ. Что вас беспокоит, герр...

КЮНКЕ. Кюнке, Франц Кюнке. У меня, видите ли, под кроватью лежит крокодил, огромный кро...

ВРАЧ. Так, так, герр Кюнке. Но вы его не бойтесь. Этот крокодил делается все меньше и меньше. Он уже такой маленький-маленький, можно сказать, его вообще уже нет.

КЮНКЕ. Но...

ВРАЧ. Так, так, поверьте мне, его уже нет. Никакого крокодила под вашей кроватью уже нет. Понимаете? Идите спокойно домой, возьмите у себя в аптечке две успокоительных таблетки и ложитесь спать. Вы поняли меня?

КЮНКЕ. Да, доктор.

(Назавтра врач приходит в комиссариат, но за столом сидит другой дежурный комиссар.)

ВРАЧ. Ну, как обстоит дело с этим, как его, Кюнке? Он снова приходил? Или перестал докучать вам?

КОМИССАР. Кюнке? Вы говорите Кюнке? Да, тут что-то сообщается о Кюнке. Любопытнейший случай. Послушайте, доктор: оказывается, некоего Кюнке сожрал в собственной квартире крокодил, вы понимаете, настоящий крокодил...

Перевел И. ЛЕВИН.

РИМ. Недовольные решением правительства о трехмесячном периоде «замораживания» цен, владельцы макаронных фабрик сократили или полностью прекратили поставки своей продукции.

Итальянские домохозяйки жалуются, что впервые сталкиваются с таким блюдом, как «замороженные» макароны.

* * *

БОНН. «Западногерманские неонацисты в настоящее время во все возрастающей степени проявляют интерес к идеям Мао»,— сообщает мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг».

Скажи мне, кто твой друг...

* * *

СЕЙШЕЛЬСКИЕ ОСТРОВА. Письма, отправленные на остров Алдабра, возвращаются с пометкой «адресат выбыл». Выбыло все население острова от мала до велика. Теперь на Алдабре обитают британские бомбардировщики и обслуживающий их персонал. Аборигены переселены на остров Махе. Покидая родные края, алдабрийцы доказывали, что куда проще было бы переселить не их, а английские самолеты обратно в Англию. Однако представители британских ВВС не расслышали этих пожеланий — вероятно, из-за рева моторов.

* * *

БЕРЛИН. Как грубое нарушение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину характеризует газета «Нойес Дойчланд» высказанное министром внутренних дел ФРГ Г.-Д. Геншером намерение создать в Западном Берлине федеральное ведомство по охране окружающей среды. «Нойес Дойчланд» права — ведь Западный Берлин не принадлежит ФРГ.

Учреждение такого ведомства в Западном Берлине, справедливо замечает газета, скорее нацелено на загрязнение окружающей политической среды.

* * *

КЕЙПТАУН. Министр внутренних дел Южно-Африканской Республики К. Мюльдер призвал бороться против «духовной оспы». Под «оспой» г-н министр подразумевал идею равноправия людей независимо от цвета кожи. Однако, по мнению всех честных южноафриканцев, болен сам Мюльдер — болен расизмом в самой тяжелой форме. И было бы совсем неплохо, если б господин министр сел в карантин, чтобы не заразить других...

* * *

БРЮССЕЛЬ. Бельгийская полиция разыскивает двоих мошенников, которые, переодевшись в форму армейских офицеров, стали навещать призывные пункты и взимать с новобранцев «взносы» в мифические солдатские фонды. Не отказывались «офицеры» принимать деньги и от желающих получить отсрочку, остаться на службе в городском гарнизоне и т. п. Министерство обороны обратилось к новобранцам с призывом не давать денег служащим призывных пунктов. Полагают, что самозваные офицеры крепко подорвали доходы тех, кто занимался вымогательством, так сказать, по долгу службы.

В. ЛЮСИНОВ

ТРУДНЫЙ ДЕНЬ ИНСПЕКТОРА ГАРРИСОНА

О том, что день начнется с неприятностей, Джек Гаррисон мог подозревать. Видавший виды инспектор знал, что если служишь в лондонской уголовной полиции, да еще в таком районе, как Сохо, скучать по несчастьям не приходится. Однако к полудню во вверенном ему полицейском участке пошли такие дела, что даже у Джека опустились руки.

Началось с того, что утром приволокли старую бестию Томаса Хиггинса по прозвищу Ржавое Сверло. На этот раз известный медвежатник попался в соседней страховой компании в тот момент, когда перегружал содержимое развороченного сейфа в объемистую хозяйственную сумку на «молнии». Однако, переступив порог участка, Ржавое Сверло вместо обычных жалоб на боли в печени и невроз потребовал... соединить его с министром по делам Северной Ирландии.

— И поторопитесь, приятель,— бросил Ржавое Сверло, стряхивая пепел в лежащую на столе фуражку инспектора. Обалдевший от подобной наглости Гаррисон механически поднял трубку и набрал нужный номер.

— Нам уже сообщили, что Хиггинс у вас,— без предисловий отрубила трубка, едва Джек успел представиться. Инспектор даже вздрогнул, узнав голос, столь хорошо знакомый по телевизионным репортажам из парламента.— Немедленно отпустите парня, и пусть он едет к нам. Дайте, кстати, ему свою машину,— не допускающим возражений тоном приказали на том конце провода. В трубке раздались гудки.

На этот раз в фуражку инспектора упал окурок сигары.

— Счастливо оставаться, старина! — Ржавое Сверло повернулся на каблуках и, прихватив со стола ключи от машины Гаррисона, направился к дверям.

Инспектор еще слышал шум отъезжающего «ягуара», когда перед его столом предстал Боб Длинный Нож. Как объяснил доставивший налетчика полицейский, Боб пытался ограбить антикварный магазин, но хозяин, падая за прилавок, успел включить сигнализацию. По счастью, поблизости оказалась патрульная машина.

— Мне бы..

— ...позвонить? — догадался инспектор и на всякий случай спрятал фуражку в ящик стола.

Через пятнадцать минут за Бобом приехали из министерства иностранных дел. Аккуратный чиновник сделал Гаррисону замечание по поводу плохо начищенных пуговиц на мундирах дежурных полицейских и увел ворюгу.

В последующие часы еще двоих грабителей забрало к себе министерство обороны, попавшегося карманника пришлось освободить по звонку из министерства внутренних дел, а после этого приехало несколько неприветливых субъектов из армейской разведки — они увезли забытую Ржавым Сверлом хозяйственную сумку на «молнии».

Джек Гаррисон ничего не понимал. Вернее сказать, почти ничего. Ибо он понимал, что если дела пойдут так и дальше, он не дотянет до уже недалекой пенсии и казавшегося таким реальным коттеджа в Шотландии с камином из дикого камня. Обостренным, как у борзой, чутьем Джек чувствовал, что он и его подчиненные одну за другой совершают чудовищные ошибки, задерживая кого не следует. «Что это за уголовники, за которых хлопочет то министерство обороны, то МИД, а то армейская разведка?» — размышлял совершенно сбитый с толку инспектор.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Гаррисон решил просмотреть свежие номера газет.

И чутье в который раз не подвело детектива. Пробежав глазами несколько заголовков, Гаррисон облегченно вздохнул, а когда он изучил статьи, посвященные «делу братьев Литтлджон», от его предынфарктного сердца и вовсе отлегло.

— Собрать ко мне всех сотрудников. Срочно! — почти весело крикнул Джек сержанту-секретарю.

— Друзья,— сказал он сбежавшимся подчиненным.— Я искренне рад сообщить вам, что сегодняшняя неразбериха не грозит нам никакими неприятностями. Вы все, я надеюсь, слышали о скандале с уголовниками братьями Литтлджонами. Эти братья-разбойники, профессиональные взломщики, как пишут газеты, успешно совмещали основную профессию со служебными командировками в Северную Ирландию. Они успели выполнить несколько щекотливых поручений нашего министерства обороны. Говорят, они были связаны и с разведкой министерства иностранных дел МИ-6. Ребята сумели пробраться в Ирландскую республиканскую армию и принесли нашему правительству немалую пользу.

Не исключено,— тут Гаррисон понизил голос и оглядел подчиненных,— что кто-то из задержанных сегодня джентльменов тоже находился, так сказать, при исполнении правительственных заданий. Поэтому,— инспектор снова окинул собравшихся строгим взглядом,— впредь прошу всех, прежде чем хватать взломщика или карманника за руку, выяснять, а не является ли он тайным агентом одной из наших разведок. «Служба безопасности не может позволить себе быть слишком разборчивой в отношении своих осведомителей» — эти слова «Санди таймс» вам следует хорошенько запомнить, чтобы не совершать ошибок впредь!

Подчиненные дружно закивали головами и стали расходиться. Гаррисон вынул из стола фуражку и вытряхнул из нее окурок сигары.

Домой в тот день ему пришлось возвращаться пешком, так как «ягуар» из министерства по делам Северной Ирландии еще не вернулся. Джек медленно шел по опустевшим с наступлением темноты улицам Сохо и размышлял о том, что маленький кирпичный домик в Шотландии стóит отпущенных на все четыре стороны уголовников...

Задумавшись, он не заметил, как из переулка навстречу ему вышли трое парней в кожаных куртках. Он даже не успел вскрикнуть, как кирпич опустился ему на голову...

Когда Гаррисон очнулся, рядом с его койкой сидел сержант-секретарь.

— Где я? — вяло поинтересовался Гаррисон.

— В госпитале, сэр,— доложил сержант. И, предвосхищая следующий вопрос шефа, добавил: — А тех хулиганов из Сохо мы уже выслали в Ирландию — по заданию министерства иностранных дел. Ох, боевые парни!

— Даже слишком,— прошептал Гаррисон бледными губами.

Их «поправка» к конституции.

Рисунок М. АБРАМОВА

Слова Ю. БЛАГОВА **БЕГОМ!** Музыка М. ТАБАЧНИКОВА

Подвижно

А ну, комсомольцы тридцатых годов, припомните прежний азарт, и все, кто со старостью биться готов, на старт! На старт!
Мамы и папаши, сбросьте годы ваши, хоть они растут, как снежный ком,
бабушки и деды, надевайте кеды и бегом, бегом, бегом, Fine
бабушки и деды, надевайте кеды и бегом, бегом, бегом! Пус-

А ну, комсомольцы
тридцатых годов,
Припомните прежний азарт,
И все, кто со старостью
биться готов,
На старт, на старт!..

Мамы и папаши,
сбросьте годы ваши,
Хоть они растут,
как снежный ком,
Бабушки и деды,
надевайте кеды
И — бегом, бегом, бегом!

Пускай малодушию
в сердце залезть
Запал комсомольский не даст.
Тряхнем стариной,
чтобы вытрясти весь
Балласт, балласт!..

Мамы и папаши,
сбросьте годы ваши,
Хоть они растут,
как снежный ком,
Бабушки и деды,
надевайте кеды
И — бегом, бегом, бегом!

Мы можем спешить
и людей не смешить,
В нас немощи старческой нет.
И будем мы, бегая,
жить не тужить
Сто лет, сто лет!..

Мамы и папаши,
сбросьте годы ваши.
Хоть они растут,
как снежный ком,
Бабушки и деды,
надевайте кеды
И — бегом, бегом, бегом!

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

Э. АБРАМОВ

Темный экземпляр

Был месяц май. И было на душе у проводника вагонов Петра Гавриловича Козлова хорошо. Сначала просто так — по причине цветения природы. И по случаю дня зарплаты. А после ее получения еще и потому, что выданная сумма превышала ожидаемую, привычную. Ощутимо.

— С чего бы это? — полюбопытствовал Козлов.

— С чего, с чего,— проговорила бухгалтерия, не поднимая головы.— Дают — бери, бьют — беги!

— И все-таки? — не унимался Петр Гаврилович.

Бухгалтерия вздохнула и прогладила пальцем цифирки напротив фамилии Козлова:

— Шифр означает премию.

— За что? — расплылся в улыбке проводник вагонов.— За что именно?

Тут и вовсе бухгалтерия оторвалась от ведомости, чтоб поглядеть на зануду:

— Не все ль равно! Получай да радуйся.

Тут коллеги-проводники стали в коридорах попадаться. И допытываться стали, отчего сияние лица у Петра Гавриловича.

— Премия,— отвечал он.— Вот только за что — не знаю...

— Раз дали, значит, есть за что,— хлопали по плечу некоторые коллеги.— Тебе ль, Гаврилыч, удивляться, при твоих-то двадцати годах беспорочной службы. Да и работу тебе поручают повышенной ответственности. Одним словом, с тебя причитается!

И супруга с порога заметила вдохновение.

— Вот,— сказал он жене довольный,— премия. За это... Ну, в общем,— сымпровизировал он,— за все хорошее.

А супруга соседям сказала, как бы между прочим, но не без гордости:

— Моего-то по работе отметили. И не как бы то, а премией!

И соседи при встрече поздравляли:

— С премией вас, Петр Гаврилович!

— Спасибо на добром слове,— ответил он и отправился в очередной рейс.

А вернувшись в не менее приятном месяце — июне, в бухгалтерию, как водится, пошел. По поводу очередной зарплаты.

Сумма опять не соответствовала привычной, ожидаемой. Ощутимо.

Только в обратную сторону: меньше была.

— С чего бы это? — полюбопытствовал Козлов.

— С чего, с чего,— проговорила бухгалтерия, не поднимая головы.— Бьют — беги, дают — бери!

— А все-таки? — не унялся Петр Гаврилович.

— Шифр означает удержание.

— За что?

— За премию. По ошибке выдали. Нам тут темный экземпляр приказа прислали. Вот и спутали с другим заслуженным товарищем.

— Я, стало быть, не заслуженный?

— Стало быть, так.

Коллеги-проводники опять повстречались в коридорах:

— А, Гаврилыч! Премию замотал, что ль? С тебя же причитается!

— Нет у меня премии,— сказал Козлов.— Отобрали назад.

— Как так?

— А вот так,— потыкал в воздухе руками Петр Гаврилович.— Темный, говорят, экземпляр...

— Отобрали, значит, есть за что,— судачили некоторые коллеги, проводив взглядом Козлова.— Вот тебе и двадцать лет беспорочной службы. Видать, на двадцать первом споткнулся. Кто б про Гаврилыча подумать мог!

И супруга с порога заметила омрачение. Недостающей суммой поинтересовалась.

— Темный экземпляр попался...— выдавил из себя Петр Гаврилович.

— Сам темнишь что-то,— подозрительно сказала супруга.— Как могли отобрать, коли ты с этой премии налоги заплатил, членские взносы...

И соседям так и не смог Козлов втолмачить сколько-нибудь доходчиво.

— Темный экземпляр...— говорил, а больше ни слова толкового не получалось. Обида мешала.

И потому стал он выяснять, кто же в его обиде виноват.

Оказалось — никто.

Начальник дирекции международных и туристских перевозок Московской железной дороги тов. Цапин не виноват. Поскольку подписывал светлый экземпляр приказа.

Начальник вагонного участка восточного направления тов. Стратийчук тоже не виноват. Поскольку такой же, светлый экземпляр, визировал.

А уж бухгалтерия тем более не виновата, что ей темный экземпляр достался.

Короче говоря, обида есть, а виновных нет...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Психиатр пациенту:

— Зря вы жалуетесь на комплекс неполноценности. Напротив, вы на редкость правильно оцениваете свои возможности.

●

Жена говорит своему мужу:

— Ты уже полчаса объясняешь человеку, куда ведет эта дорога, но ведь ты же сам этого не знаешь.

— Но я не мог оставить его без помощи!

●

Очень полный человек с трудом протиснулся между рядами в кинотеатре и опустился на свое место.

— Такой полный человек должен покупать два билета,— проворчал сосед.

— Извините,— вздохнул толстяк,— я так и хотел сделать, но было только два свободных места — одно в партере, другое на балконе.

●

Переполненный автобус резко качнулся на повороте, и пожилая женщина нечаянно ухватилась за бороду стоявшего рядом мужчины.

— Отпустите мою бороду! — рявкнул пассажир.

— А что, вы разве выходите?

●

Врач спрашивает пациента:

— Скажите, а вы обманываете свою жену?

— Ну, конечно. А кого же еще?

●

— Джек, ты опять уткнулся в свою газету! А по радио рассказывают, что недавно один фермер зарезал курицу и у нее оказалось четыре сердца!

— Знаю, знаю. Я с ней на прошлой неделе играл в бридж...

●

Разговор двух шотландцев:

— Ты слышал, говорят, Макаллистер поссорился со своей женой?

— Чего это они не поделили?

— Он купил подержанную надгробную плиту и потребовал, чтобы жена сменила имя...

●

Матрос спасательной службы успел схватить за шиворот мужчину, намеревавшегося броситься с набережной в море.

— Послушайте меня,— сказал спасатель,— ведь если вы броситесь в эту ледяную воду, то мне придется прыгать вслед и спасать вас, потому что это моя служебная обязанность. А в результате мы оба получим жестокую простуду. Ну разве это не глупо?

— Да, пожалуй, вы правы,— согласился мужчина. Он был так тронут добротой матроса, что на глазах у него выступили слезы.

— Идите поэтому домой,— продолжал матрос,— а там уж вешайтесь на здоровье.

●

— Я намереваюсь поехать на две недели в Италию. Не найдется ли у вас путеводителя?

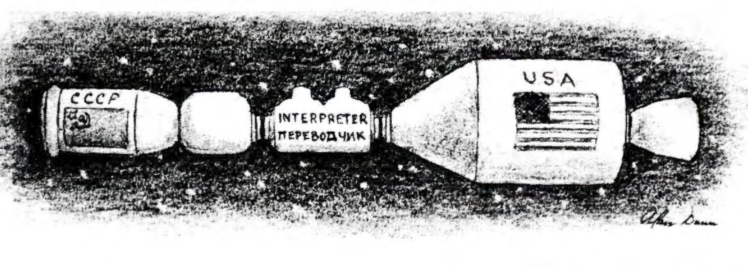
— Пожалуйста, вот последнее издание книги, которая называется «Десять дней в Италии».

— Это прекрасно, но что я буду делать остальные четыре дня?

— Еще один... и снова не моего размера.

«Благ», Франция.

«Нью-Йоркер», США.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Найден ИЛИЕВ (Болгария)

От имени и по поручению

Секретарь профкома долго смотрел на меня, критически щурился, отходил, подходил, вздыхал, мучительно морщил лоб и наконец, видимо, решился. Он откашлялся и твердым голосом сказал:

— Вот так, Илиев. Значит, утром ты едешь в Варну! Там будут состязания по прыжкам в воду. Ясно?

— Ясно,— четко отрапортовал я и тут же добавил: — А что я там буду делать?

— Будешь участвовать лично. Так сказать, защищать цвета...

— В каком смысле? Как это защищать?

— А вот так. Будешь прыгать. Мы тут с народом обсудили и решили оказать тебе доверие. Поезжай и оправдывай. Защищай честь коллектива!

— А почему бы вам самим ее не защитить? Я...

— Что — «я»? Не надо якать. Вообще поскромнее нужно быть. Вспомни, как ты отказывался делать доклады по кибернетике, по космодинамике, по парапсихологии? «Я не знаю, я не понимаю. Я, я, я...» А как сопротивлялся, не хотел ехать на симпозиум по интенсивному откармливанию телят? И отлично ведь справился.

— Так то разговоры, а то прыгать.

— Вы понимаете, товарищ, что говорите? — Секретарь перешел на «вы».

— Понимать-то понимаю, но плавать не умею.

— А кому нужно, чтобы ты плавал? — вернулся он к демократическому «ты».— Я на болгарском языке сказал тебе, что соревнования не по плаванию, а по прыжкам. Влезешь на вышку — и бултых! Всех дел-то на несколько секунд... Зажмуришься, зажмешь уши — и сигай. От нашего имени и по нашему поручению.

— Сигануть, конечно, не фокус. А как я потом вылезу? Ведь это — море!

— Справишься. Мы в тебя верим! — снял очки секретарь. — Дерзай, товарищ! Главное — ты будешь все время чувствовать внимание всего коллектива. Еже-ли ты не согласишься...— Глаза секретаря холодно блеснули.

— Это хорошо,— вздохнул я.— Приятно тонуть, зная, что ты окружен вниманием коллектива.

Назавтра я стоял уже на вышке. Посмотрев вниз, решил, что высота ее по крайней мере метров пятьсот — шестьсот. И внизу синее Черное море. Оно явно волновалось в ожидании нашей встречи. Отдельные волны даже подпрыгивали от нетерпения, и блеск их был похож на холодный блеск глаз секретаря. Болельщики внизу начали свистеть. «Что ж,— пронеслось у меня в голове,— жизнь прожил я неплохую, двоих детей поставил на ноги, взносы платил аккуратно. Прощайте, мои родные». Проглотив слезы, я шагнул в ничто.

Я собирался лететь долго, но не успел даже открыть рот для крика, как уже оказался в воде. И тут же, разумеется, утонул. Как топор, как камень.

Воткнувшись в песок и путаясь в скользких водорослях, я начал было устраиваться на дне всерьез, как вдруг неведомая сила заставила меня задрыгать всеми конечностями, и я всплыл на поверхность. Всплыл, судорожно заглотнул порцию воздуха и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то почувствовал, что меня куда-то несут. «Наверное, в «Скорую помощь»,— вяло подумал я, но тут же услышал чей-то голос у себя над ухом:

— Вставай!

— Куда? — простонал я.

— На пьедестал почета.

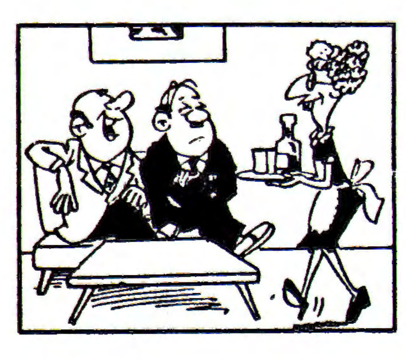
С этими словами меня так подтолкнули, что я оказался на самом высоком из трех ящиков. Раздались аплодисменты. Вскоре принесли и серебряного призера — солидного человека с проседью и умными глазами, которые, однако, он все время норовил закрыть.

Бронзового призера пришлось уложить на пьедестал, и он тихо лежал, изредка подрагивая всем телом. Остальные участники состязаний лежали на песке, как тюлени. Вокруг лежбища суетились врачи, делавшие им искусственное дыхание.

Похоже было, что все мои соперники тоже прыгали от имени и по поручению...

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

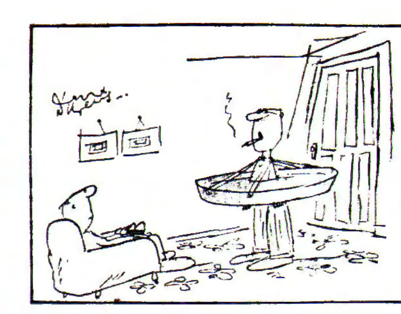
— Похоже, что на этот раз горничную выбирала твоя жена?

«Курир», Франция.

— Честное слово, синьор, это не мы.

«Эпока», Италия.

— Моя жена не любит, когда роняют пепел на ковер.

«Панч», Англия.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ (Польша)

БОЛЕЛЬЩИКИ

За несколько дней до международных соревнований мы начали изучать разные варианты.

— Проще всего пойти к Паташонскому,— сказал пан Куця.— Близко от кафе «Кокос» и удобные стулья.

— Да, но экран очень маленький, и изображение прыгает,— высказал опасение поэт Росланек.— Лучше уж к директору Щавнице. В самом центре и сорок сантиметров по диагонали.

Идея показалась нам разумной, но тут выяснилось, что у Щавницы испорчен холодильник. Теплые напитки, разумеется, никого из нас не устраивали.

Пани Соловейчик выдвинула кандидатуру некоей пани Кропивницкой.

— Большая квартира, этаж седьмой, но лифт работает, телевизор только что из ремонта. Кропивницкая очень гостеприимна.

— Знаю я пани Кропивницкую,— сказал Беспальчик.— Она печет дрожжевые пирожные. К ней съедется полгорода. Соревнование нужно смотреть в тесном кругу.

— Пани Кропивницкая — пустомеля,— сказал Зызя.— Мы не выдержим в ее обществе больше десяти минут. Кроме того, она ничего не понимает в спорте и будет задавать идиотские вопросы.

Таким образом, вопрос остался открытым, пока не появился пан Фачинович.

— Мы уже несколько дней живем этими соревнованиями! — воскликнул он.— Приходите! У нас все приготовлено!

Мы охотно приняли предложение. Мы знали, что пан Фачинович — человек серьезный, ему можно доверять.

И на этот раз он оказался на высоте.

Из закусок на первый план я бы выделил салат под майонезом, хотя и нототения с лимонным соусом тоже была неплоха. Селедка в оливковом масле получила всеобщее признание, а водка была заморожена, как в лучших ресторанах. Потом подали шампиньоны в сметане, филе на углях...

Мы провели исключительно приятный вечер. В конце концов такие соревнования бывают не каждый день. Не удивительно, что они собрали у телевизоров миллионы зрителей.

К сожалению, на следующий день мы узнали по радио и из газет, что наши проиграли. Как хорошо, что это не испортило нам прекрасный вечер...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

КРОКОДИЛ

№ 27 (2073)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

Издание газеты «Правда»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали М. Абрамов, В. Альтшуллер, М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, В. Жаринов, В. Космылин (г. Казань), В. Мохов, К. Невлер, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/IX 1973 г. А 02660. Подписано к печати 20/IX 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 371 800). Изд. № 1975. Заказ № 1132.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп. Индекс 70448

— Сержант, огоньку не найдется?

Рисунок В. ЖАРИНОВА